

№ 22

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Х. Вейсманъ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода 3 » 50 »

На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. На морѣ. В. Неплюга. — II. Ребенку. (Стих.). Н. Барта. — III. Коралловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С—вой. — IV. Исторія одного маленькаго негра. А. А—ва.

НА МОРѢ.

ИДЯ въ руфъ, я заснулъ, но не надолго, больно ударилась голова о балку въ койкѣ; я проснулся и слышу уже знакомые звуки: стучить висячая лампа, болтаясь на крючкѣ, скрипитъ мачта, глухіе, тяжелые удары волнъ въ бока судна, рѣзкій, заунывный звукъ рожка на бакѣ *)—на шкунѣ качка, а въ море—буря. Я вышелъ на

*) Носовая часть судна.

палубу и чуть не свалился отъ вѣтра, штурманъ закричалъ мнѣ, чтобы я шелъ на верхъ, помогать другимъ брать рифы *), но я чувствовалъ, что не могу, я и на палубѣ еле стоялъ. Море представляло котель, вода кипѣла; паруса были почти всѣ закрѣплены, одинъ нижній фокъ въ два рифа—не былъ закрѣпленъ наглухо. Буря свирѣпѣла съ каждой минутой, размахи судна были страшны, ноги фокъ-реи **) при размахѣ доставали воды, бушпритъ ***) нырялъ въ волнахъ; я такъ былъ пораженъ, что не замѣчалъ, какъ меня обливала вода съ ногъ до головы, къ счастью я былъ одѣтъ въ непромокаемый костюмъ. Вѣтеръ шипѣлъ и свистѣлъ въ снастяхъ... Вотъ идетъ девятый валъ, страшный, гигантскій, съ сѣдой круглящейся вершиной... Шкуна дрогнула и точно кинулась подъ ноги къ нему, масса воды ринулась на палубу съ такой силой, что, еслибы я не ухватился обѣими руками за ванту, то навѣрное былъ бы снесенъ, какъ пробка. У руля стоялъ капитанъ, блѣдный и пасмурный... Онъ не знаетъ, гдѣ мы находимся, передо мной былъ непроницаемый молочнаго цвѣта туманъ. Раздалась команда: „крѣпить фокъ“ ****) Неклюдовы пошли исполнять приказаніе. У Павла Неклюдова даже и теперь не перемѣнилась фizioномія, онъ опыхивался отъ накатившейся воды и улыбался. Боцманъ былъ суровъ и сумраченъ; буря была въ разгарѣ, хватилъ опять девятый валъ и хлеснулъ меня по лицу. Я почувствовалъ боль, провелъ рукой по щекѣ и нашелъ на ней и на складкахъ куртки крупный песокъ—это меня озадачило, я, какъ сумасшедшій, закричалъ, что мы на банкѣ, и кинулся въ руфъ. Дѣйствительно мы были близко отъ берега... Наскоро одѣлъ я пробковую куртку, которой запасся еще въ Петербургѣ, а сверхъ—непромокаемое пальто

*) Парусъ посредствомъ рифовъ дѣлается меньше—брать рифъ это значитъ подвязать парусъ—сдѣлать въ немъ складку.

**) Концы у первой реи на фокъ-мачтѣ.

***) Косая мачта—выдающаяся на носу.

****) Значитъ совсѣмъ свернуть парусъ и завязать.

и выбѣжалъ на палубу. Шкуна страшно ныряла въ валахъ, буря какъ бы хотѣла уничтожить ее, но вотъ мы взлетѣли на гребень вала, и съ высоты его я—да и вся команда ясно увидѣли черныя остроконечныя скалы... Крикъ ужаса вырвался у всѣхъ... Фокъ-мачта, не выдержавъ второго размаха, закрипѣла, и ея стенга *) съ верхнимъ парусомъ и со всѣми снастями, какъ скошенная гигантской косой, исчезла моментально въ этомъ хаосѣ. Вдругъ среди воя и свиста вѣтра раздался страшный трескъ, зловѣщій предсмертный крикъ корабля... Мы стали неподвижно, корма колебалась въ стороны отъ напора валовъ; отъ ужаснаго толчка никто не устоялъ — я полетѣлъ на палубу и ухватился за якорную цѣпь, чтобы не снесло водой; шапка и пальто были унесены валомъ. Когда я опомнился немного отъ паденія, то увидѣлъ, что матросы стоятъ у барказа **) и отвязываютъ его отъ стоекъ; капитанъ отдавалъ приказанія. Бросили якорь, закрѣпили и стали спускать барказъ. Онъ висѣлъ на двухъ блокахъ, капитанъ дожидался вала—вотъ онъ идетъ,—команда „садись“! всѣ сѣли; капитанъ стоялъ на носу барказа, а штурманъ на кормѣ съ ножами — валъ подошелъ, веревки отрѣзаны, и мы, подхваченные валомъ, однимъ взмахомъ очутились въ трехъ саженьяхъ отъ воды, на каменной грядѣ берега; барказъ распался въ щепы, Неклюдовъ сломалъ руку, я отдѣлался незначительными ушибами.

Вѣтеръ свирѣпствовалъ съ прежней силой, надобно было узнать, гдѣ мы находимся. Мы раздѣлились на три группы, первая пошла въ глубь берега, вторая—налѣво по берегу, а третья—направо. Я пошелъ налѣво съ Павломъ и штурманомъ, намъ пришлось недолго идти; мы наткнулись на опрокинутыя лодки, потомъ увидѣли нѣсколько землянокъ—становище рыбаковъ на промыслѣ. Ощупью во-

*) Мачта состоитъ изъ нѣсколькихъ деревъ и верхнія части называются стенгами.

**) Родъ лодки—довольно большая и вмѣстительная.

шли мы въ землянки, долго шарили руками по стѣнамъ и повсюду, пока не наткнулись на людей спящихъ въ повалку на палатахъ. Темно было, хоть глазъ выколи, въ землянкахъ подобныхъ нѣтъ оконъ, а есть отверстіе въ кровлѣ для пропуска дыма. Разбудивши рыбаковъ, мы спросили, гдѣ мы, оказалось, что мы попали не въ факторію капитана, а находимся въ верстѣ отъ пограничнаго норвежскаго городка Вадзо; штурманъ послалъ Павла созвать остальныхъ, и мы переночевали у рыбаковъ.

Къ утру буря стихла совсѣмъ, шкуна стояла все на томъ же мѣстѣ; отливъ былъ полный. Закипѣла работа утромъ у матросовъ и нанятыхъ рыбаковъ: надо было на время задѣлать главнѣйшія поврежденія шкуны, сдѣлать ее способной пробыть нѣсколько часовъ на водѣ. Потомъ вся команда отправилась въ городокъ, тамъ капитанъ, нанявъ китоловный пароходъ, взялъ на буксиръ св. Николая при приливѣ, сдвинувъ съ банки и повелъ ее въ рейдъ для починки, но починки оказалось много, такъ какъ стоялъ августъ, то приходилось волей-неволей зимовать, и несчастные матросы, которые заключили контрактъ съ капитаномъ, должны были оставаться въ этой ужасной странѣ, какъ сѣверная Норвегія. Хотя у меня съ капитаномъ и не было контракта, но онъ все-таки отнесся ко мнѣ какъ и къ остальнымъ, онъ мнѣ сказалъ, что я долженъ тоже зимовать и чинить шкуну. Я отвѣчалъ, что я не подъ неволей у него, и не имѣю ни малѣйшаго желанія оставаться и питаться всю зиму его треской; тогда онъ объявилъ, что не дастъ мнѣ свидѣтельства о плаваніи, необходимаго для моей будущности, для котораго я собственно и шелъ въ море. Значить, если я не останусь, то всѣ лишенія и невзгоды, какія я перенесъ, пропадутъ даромъ, и я ни съ чѣмъ вернусь домой, да еще попрось, какъ вернуться?! Устрою-ли я?! Но все это было ничто въ сравненіи съ перспективой оставаться всю зиму у подобнаго капитана; я рѣшился оставить шкуну во что бы ни стало, и искать судно, которое приняло бы меня и до-

везло до Россіи, а тамъ, что Богъ дастъ! какъ нибудь доберусь и до Петербурга! Зимовать я не могъ ни въ какомъ случаѣ, я чувствовалъ, что болѣнь, измученъ и истощенъ.

И вотъ я сталъ искать на рейдѣ судна. Мнѣ сказали, что есть два судна, которыя отправятся скоро въ г. Онегу, я отправился къ пристани, чтобы на шлюпкѣ доѣхать до одного изъ этихъ судовъ, но только что хотѣлъ сѣсть къ перевозчику, какъ причалила шлюпка съ двумя моряками, они сказали, что ихъ судно черезъ недѣлю идетъ въ Онегу. Лица ихъ были добродушны и симпатичны, простыя русскія лица. Я рассказалъ имъ свое положеніе и объяснилъ, что ищу гдѣ бы меня приняли и довели до Россіи. Они прямо предложили меня довести... Я не помнилъ себя отъ радости!.. И сейчасъ же пошелъ на шкуну, тамъ собралъ вещи и въ тотъ же день перебрался къ своему новому капитану. Новое судно былъ клиперъ по оснасткѣ, маленькое суденышко, но мнѣ было все равно, лишь бы добраться до Россіи. Какъ я тосковалъ о милой Россіи, о Петербургѣ, о родныхъ!

Теперь опишу городъ Вадзо, гдѣ мнѣ пришлось пробыть недѣлю. Это одинъ изъ мелкихъ портовыхъ городовъ Норвегіи—на каменномъ берегу, на немъ нѣтъ не только деревьевъ, но даже и травы, а разбросаны кое-какъ группа невзрачныхъ деревянныхъ домиковъ, въ родѣ трехъ-четырехъ улицъ; жалкая кирка съ колокольной покосилась на бокъ, у берега—рядъ брюгъ *) болѣе зажиточныхъ жителей. Всѣ жители занимаются рыбной ловлей — другаго занятія быть и не можетъ, рыба — промыселъ, доходъ, пища, лекарство и проч. Въ городѣ есть еще два завода; одинъ очень большой занимается варкой ворвани **) и имѣетъ нѣсколько китоловныхъ пароходовъ, другой—занимается сушеніемъ тресковыхъ головъ и перетираніемъ ихъ въ муку. Первый заводъ стоитъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ города,

*) Сараи на сваяхъ, въ которыхъ хранятся рыба, соль и проч.

**) Жиръ китовый и тюлений.

когда тамъ начинается варка китоваго сала, то смрадъ и дымъ невыносимъ. Ловля китовъ у заводчиковъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: снаряжаютъ пароходъ въ море, команды на пароходъ пять-шесть человѣкъ, пароходъ небольшой, но крѣпкій, буксирный; на носу поставлено орудіе, обыкновенная мѣдная пушка, четырехъ-фунтовая *). Выйдя въ море, пароходъ идетъ тихимъ ходомъ (они всѣ винтовые), у орудія стоитъ опытный наводчикъ. Когда покажется на поверхности животное (что часто бываетъ, въ особенности при солнечномъ свѣтѣ и тихой погодѣ), наводчикъ, когда туловище болѣе всего видно надъ поверхностью, дѣлаетъ выстрѣлъ, иногда чтобы ускорить смерть животнаго, стрѣляютъ разрывными гранатами. Китъ, почувствовавъ рану, ныряетъ въ глубину, долго идетъ подъ водой, пароходъ идетъ вслѣдъ за нимъ; кровь, всплывающая на поверхность воды, ясно показываетъ ходъ кита. Ослабѣвши, китъ поднимается вверхъ подышать воздухомъ, тутъ въ него стрѣляютъ второй разъ, а иногда убиваютъ его первымъ выстрѣломъ. Когда пароходъ подходитъ къ нему и беретъ его на буксиръ посредствомъ остроги привязанной къ канату, а иногда притягиваютъ плотно къ борту и съ добычей возвращаются на заводъ. Тамъ, увидѣвъ приближающійся пароходъ, готовятъ все къ приему животнаго. У завода, съ берега въ воду устроены покатыя помосты, какъ у корабельныхъ доковъ. **) Пароходъ, придя къ помосту, отвязываетъ свой буксиръ, а рабочіе привязываютъ къ киту цѣпи съ острыми крюками, которые наворачиваются на паровой валъ, и втаскиваютъ кита на помостъ; тутъ закипаетъ работа: вырѣзываютъ усъ, пластуютъ ***) сало и уносятъ на заводъ. Люди облѣпляютъ кита, снуютъ повсюду, залѣзаютъ въ пасть рѣзать усъ; проникаютъ въ середину, стаи чаекъ летаютъ надъ ними. Китъ идетъ, кромѣ внутренностей, весь въ дѣло, прежде

*) Снарядъ, который употребляется для выстрѣла, вѣситъ 4 фунта.

**) Зданія, гдѣ строятъ корабли и пароходы.

***) Вырѣзываютъ пластами куски сала.

только брали сало и усь, а мясо и кости выкидывалось, теперь же мясо и кости тоже идутъ въ пользу: изъ болѣе крупныхъ костей дѣлають токарныя работы, а мясо и мелкія кости сушатъ и трутъ въ муку, которую отправляютъ въ Англію для удобренія почвы, тоже самое дѣлають съ головами трески и другихъ крупныхъ рыбъ. Промышленность города ограничивается этимъ промысломъ. Городокъ ужасный для непривычнаго, воздухъ на нѣсколько миль въ окружности пропитанъ запахомъ трески и угаромъ ворвани, идете по берегу, куда не оглянитесь—головы трески: на кровляхъ домовъ, валяются на землѣ, висятъ безконечными гирляндами на шестахъ, войдете въ лавку и тамъ преобладающій запахъ трески. Я начиналъ томиться въ этой обстановкѣ, и то и дѣло спрашивалъ капитана скоро ли мы уйдемъ. При всѣмъ этомъ страшно надоѣло, что не видишь ночи, тамъ въ лѣтнее время мѣсяца два солнце не закатывается, это въ началѣ было занимательно, но потомъ болѣзненно дѣйствовало на нервы, сильно захотѣлось увидѣть мракъ ночи, увидѣть звѣзды, луну. Но вотъ насталъ послѣдній день нашего пребыванія въ Вадзо, къ ночи мы должны были уйти изъ гавани.

Я былъ радъ безконечно и отправился на берегъ побродить. Былъ праздничный день, жители, нарядившись, гуляли по улицамъ; странные костюмы обратили мое вниманіе, я узналъ, что племя кочующее — норвежское и называется фильмана. Костюмъ у мужчинъ особенно оригиналенъ, сплошь покрытый тесемками всевозможныхъ цвѣтовъ и величинъ, кромѣ того еще шерстью вышитъ воротъ, а у иныхъ есть золотые или серебряные позументы, ноги обуты въ длинные мѣхомъ вверхъ сапоги то же съ цвѣтными ремешками, носокъ у сапога загнутъ кверху, на головѣ у фильмановъ огромныя треугольной формы шляпы, мѣхомъ вверхъ отороченныя и тоже съ разноцвѣтными вышивками. Городскіе же жители были одѣты по европейски—мужчины въ куртки или пиджаки темнаго цвѣта, и большею частью въ круглыхъ

широкополыхъ шляпахъ, женщины—въ сѣрыхъ гладкихъ

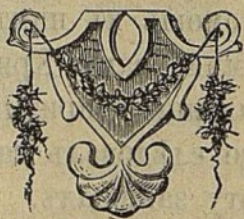
ВИДЪ МОРЯ.

платьяхъ съ косынками на головахъ и часто съ трубкой въ зубахъ, вообще куреніе табаку очень распространено въ Норвегіи, въ особенности у приморскихъ жителей. Лавки въ городѣ славятся своими курительными трубками, узнавъ объ этомъ, я зашелъ въ одну изъ лавокъ, чтобы купить на память о городѣ трубку; купилъ съ большимъ трудомъ, попался продавцу, ни слова не понимающій никакого другаго языка кромѣ норвежскаго. Но это не всегда—здѣсь есть купцы норвежцы, которые, вслѣдствіи частыхъ сношеній съ русскими, препорядочно говорятъ по-русски. Заходилъ также въ булочную, гдѣ уже объяснялся положительно пантомимой и купилъ сигаръ, которыя почему-то продаются здѣсь вмѣстѣ съ булками. Послѣ прогулки по городу я пошелъ за городъ; поднялся на довольно высокій холмъ и оглядѣлся кругомъ. Какая жалкая природа раскинулась передо мной! Сурова сѣверная картина Норвегіи: голыя скалы сѣрыя, мрачныя, причудливыхъ формъ, громоздились въ разныхъ мѣстахъ, шли группами, грядами и пропадали за горизонтомъ; между ними песокъ и мелкій щебень тоже сѣраго цвѣта;

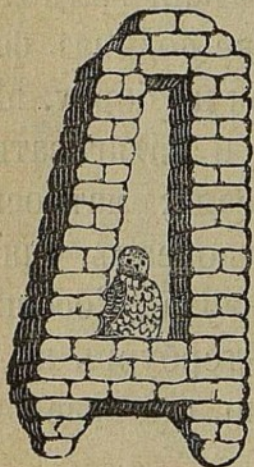
кое-гдѣ блеститъ озерко, кругомъ зеленѣетъ травка пополамъ

съ вересомъ, на такихъ мѣстахъ виднѣются пасущіяся овцы. Обратился я къ океану окаймленному угрюмыми берегами. Грозный, темный на горизонтѣ, съ бѣлымъ пушистымъ прибоемъ у береговыхъ скалъ. Хорошъ и красивъ Ледовитый океанъ въ своей дикости, съ неприступными своими безконечными скалами. Налюбовавшись, я спустился и пошелъ къ клиперу; было десять часовъ вечера. Я встрѣтилъ капитана, онъ дѣлалъ послѣднія закупки. Къ одиннадцати часамъ мы были уже на клиперѣ и снимались съ якоря. Вѣтерокъ дулъ попутный, поднявъ якорь и поставивъ паруса, мы пошли изъ гавани. Всѣ русскія суда подняли флаги, прощаясь съ своимъ соотечественникомъ, мы отвѣчали тѣмъ же. Близко прошли мы мимо св. Николая, онъ тоже поднялъ флагъ, Перепольскій долго махалъ платкомъ, стоя на борту. Мы повернули за косу, вѣтеръ сталъ крѣпчать и натягивать паруса, мы были у выхода изъ залива въ океанъ; матросы снимали шляпы и перекрестились... Опять океанъ, опять плыть, опять вода и небо, но цѣль плаванія—милая Россія! Прощай Норвегія! Впередъ! въ Россію, въ Петербургъ къ роднымъ! Легко было на душѣ, отрадно и весело, все казалось лучше, красивѣе и вода, и небо.

В. Неппогъ.

РЕБЕНКУ.

ИТЯ, пускай твоя весна
Скорѣи несетъ тебѣ цвѣты:
И скромный ландышъ полевой,
И розу, символъ красоты.
Пускай ни буря, ни гроза
Твоей весны не омрачатъ,
Пускай всегда, какъ свѣтлый май,
Безпечно дни твои летятъ.
Но помни, милое дитя,
Что жизнь прекрасна не для всѣхъ,
Что сотни, тысячи дѣтей
Не знаютъ юности утѣхъ.
За нихъ молись ты горячѣй,
Пока не можешь ихъ спасти,
Когда жь, малютка, подросешь,
Спѣши на помощь къ нимъ идти.
Дитя, припомни—самъ Христосъ
Къ себѣ младенцевъ призывалъ
И всѣмъ, кто слѣдовалъ за нимъ,
О нихъ заботу завѣщалъ.
Онъ говорилъ: „не тотъ спасенъ,
Чьи вѣчно молятся уста,
А тотъ, кто принялъ на себя
Хоть часть тяжелаго креста!“

Н. Бартъ.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

XI.

Ужасающій крикъ. — Пингвины. — Особенность кокосовой пальмы. — Образование коралловыхъ острововъ. — Таинственные шаги. — Странныя открытія и зрѣлища.

ОЛНЦЕ было высоко надъ горизонтомъ когда мы проснулись. Выкупавшись и позавтракавши, мы отправились на новые розыски. Подойдя къ новой, красивой группѣ острововъ, мы были поражены ужасающимъ крикомъ, который такъ испугалъ насъ нѣсколько ночей тому назадъ.

Услыхавъ этотъ крикъ, Петеркинъ схватилъ копье.

— Что бы это такое! сказалъ онъ, обращаясь къ Джеку. Крикъ слышался сильнѣе прежняго.

— Этотъ крикъ доносится съ одного изъ этихъ острововъ, сказалъ Джекъ.

— Должно быть кричить осель, очень похоже.

На берегу самого большого острова мы замѣтили странные, двигающіеся предметы.

— Это солдаты — дѣло ясное! крикнулъ Петеркинъ, глядя на нихъ съ удивленіемъ.

Замѣчаніе Петеркина казалось мнѣ вѣрнымъ, казалось армія солдатъ—въ голубыхъ мундирахъ и бѣлыхъ штанахъ—стояла тамъ, вытянувшись въ рядъ или маршируя. Пока мы глядѣли на нихъ, ужасный крикъ повторился надъ водою.

— Солдаты! сказалъ Петеркинъ.

— Петеркинъ! да вѣдь это пингвины! возразилъ Джекъ.

— Пингвины? повторилъ Петеркинъ.

— Да, пингвины, большія морскія птицы, самъ увидишь когда навѣстимъ ихъ въ лодкѣ, за постройку которой я намѣренъ приняться какъ только вернемся въ нашъ пріютъ.

— Стало быть наши ужасные призраки и наша армія, замѣтилъ Петеркинъ—пингвины: прекрасно! Я предлагаю продолжать путешествіе вокругъ острова, а то пожалуй онъ превратится въ мечту прежде нежели успѣемъ обойти его кругомъ.

По пути я раздумывалъ объ удивительныхъ птицахъ, о которыхъ Джекъ могъ дать намъ только неопредѣленное понятіе, и о томъ, какъ бы поскорѣе приняться за постройку лодки, чтобы разсмотрѣть ихъ поближе.

Вторую ночь мы провели такъ же какъ и первую, мы обошли почти двѣ трети острова и надѣялись третью ночь спать у себя.

Осмотрѣвши большую часть острова, мы убѣдились, что плодовые деревья росли въ долинахъ, и только нѣкоторыя близъ береговъ, кокосовыя же пальмы росли вездѣ: на склонахъ горъ, на морскомъ берегу и даже на коралловомъ рифѣ, иногда такъ близко къ морю, что во многихъ мѣстахъ его корни омывались пѣною буруновъ. На вершинѣ высокой скалы попадались раковины и обломки коралловыхъ формаций, это доказывало, что море когда-то покрывало островъ. Кораллы не могли взобраться на вершину горы, они должны были быть нанесены на нее, пока вершина горы была на одномъ уровнѣ съ моремъ. Что же подняло островъ надъ уров-

немъ моря? Джекъ думалъ, что этотъ островъ образовался при помощи вулканическаго изверженія, а Петеркинъ,—что онъ выскочилъ изъ воды здорово живешь. Мы замѣтили также, что прежде ускользнуло отъ нашего вниманія, что твердыя скалы, изъ которыхъ состоялъ островъ, отличались отъ коралловыхъ рифовъ тѣмъ, что надъ послѣдними постоянно трудились крошечные полипы.

Въ лѣсахъ мы встрѣтили еще нѣсколько стадъ свиней, но не трогали ни одной изъ нихъ, съѣстныхъ запасовъ у насъ было болѣе чѣмъ достаточно. Кромѣ свиней мы видѣли слѣды небольшого животнаго. Петеркинъ думалъ, что это слѣды какой-то маленькой собаки, но мы съ Джекомъ были другаго мнѣнія, и очень заинтересовались этимъ вопросомъ, слѣды были разсѣяны въ одной мѣстности, точно животное бродило взадъ и впередъ безъ опредѣленной цѣли. На третій день рано утромъ мы замѣтили еще болѣе этихъ слѣдовъ, они тянулись въ лѣсѣ правильной тропинкой, такъ густо усаженной кустарниками, что мы съ трудомъ прошли по ней, но не смотря на это рѣшили прослѣдить тропинку.

Вьющіяся растенія и кусты такъ заграждали намъ дорогу, что мы съ трудомъ пролагали себѣ путь. Вдругъ, выйдя на открытое пространство, услышали слабый крикъ и замѣтили черное животное, бѣгущее по тропинкѣ прямо передъ нами.

— Дикая кошка! закричалъ Джекъ, накладывая стрѣлу на лукъ и спустилъ ее такъ быстро, что попалъ не въ животное, а поблизости его въ землю. Къ нашему крайнему удивленію дикая кошка не убѣжала, но медленно подошла къ стрѣлѣ и обнюхала ее.

— Что за смѣшная дикая кошка! закричалъ Джекъ.

— Кажется это ручная дикая кошка, сказалъ Петеркинъ, смѣясь и прицѣливаясь копьемъ.

— Стой! вскричалъ я, останавливая его, кажется бѣдное животное слѣпо. Смотри, она, проходя, задѣваетъ за вѣтви и сверхъ того должно быть очень стара и я поспѣшилъ къ ней.

— Да, сказалъ Петеркинъ, подавляя смѣхъ: престарѣлая дикая кошка!

Оказалось, что бѣдная кошка была не только что слѣпа, или почти слѣпа, но и глуха, она не слыхала нашихъ шаговъ пока мы не очутились позади ее. Тогда она отпрыгнула, шерсть на ней встала дыбомъ, она замяукала и зафыркала.

— Бѣдняжка! сказалъ Петеркинъ, ласково стараясь погладить ее. Бѣдная киса, кисъ, кисъ, кисъ! плутовка киса!

Какъ только кошка услышала эти звуки, гнѣвъ ея исчезъ, она, быстро приблизясь къ Петеркину, позволила себя погладить и терлась около его ногъ, громко мурлыча и выражая чрезвычайную радость.

— Какая же это дикая кошка! крикнулъ Петеркинъ, взявъ ее на руки. Она ручная. Бѣдная киса, плутовка киса!

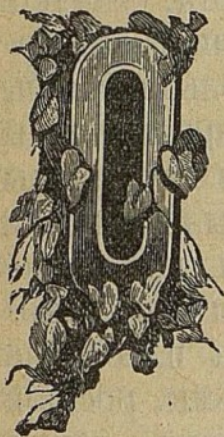
Столпившись около Петеркина, мы были удивлены и тронуты при видѣ необычайной радости бѣднаго животного. Кошка терлась головой о щеку Петеркина, лизала его подбородокъ и совала свою голову ему подъ шею, мурлыча громче нежели мурлыкали тѣ кошки, которыхъ я слышалъ прежде, казалось она такъ была увлечена своими чувствами, что и мяукала и мурлыкала въ одно и тоже время. Такія проявленія радости и привязанности привели насъ къ тому заключенію, что эта бѣдная кошка должно быть жила у людей и оставлена на островѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ случайно или умысленно, и поэтому выражала свою радость при встрѣчѣ съ людьми. Пока мы гладили кошку и толковали о ней, Джекъ осмотрѣлъ открытое пространство, среди котораго мы стояли.

А. С—ва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРИЯ ОДНОГО МАЛЕНЬКАГО НЕГРА.

ОДНИМЪ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ въ Мартиникѣ можетъ считаться склонъ холма Давида, обращенный къ западу. Плодородная почва у подошвы этого холма изрѣзана веселыми ручейками и каскадами. По близости воды растетъ тростникъ отъ десяти до пятнадцати метровъ высоты, подъ шатромъ громаднаго бовольника, пальмы вѣромъ раскинули свои красивые листья, а надъ самой водой нагнулись, легкіе какъ перья, бамбуки. Тамъ и сямъ разбросаны небольшія рощицы какао, въ этихъ рощицахъ столько тѣни, что ни одинъ лучъ солнца не проникаетъ въ ихъ чашу. Дальше пышно разрослись древовидные папоротники, гуява круглый годъ покрытая плодами, а вокругъ ихъ стволовъ лѣпятся ліаны, биньоніи и другія вьющіяся растенія; ихъ листья вверху до того смѣшиваются съ листвою деревьевъ, что не разберешь сразу какой листъ принадлежитъ самому дереву, какой ліанѣ. Среди этой чудной зелени порхаетъ безчисленное множество пестрыхъ колибри. Подъ самой горой струится свѣтлая рѣчка, а далеко, далеко виднѣется море!

Вотъ въ этомъ-то земномъ раю и родился Монико, самый бѣдный изъ всѣхъ бѣдняковъ негритянскаго населенія.

Ни одна деревня въ Европѣ, какъ бы она бѣдна ни была, не сравнится по бѣдности съ селеніемъ негровъ, съ ея разбросанными хижинами, покрытыми сухимъ тростникомъ, окруженными жалкимъ плетнемъ. Стѣны хижинъ изъ глины, съ одной дверью и однимъ окномъ, едва пропускающимъ свѣтъ; полъ—небрежно убитая земля внутри хижины, столъ, двѣ, много три скамьи и шкафъ—вотъ и вся мебель; впрочемъ шкафъ попадаетъся рѣдко, и еще рѣже кровать; если она и имѣется, то на ней никогда не спятъ; она стоитъ въ видѣ украшенія, старыя тряпки, брошенныя на полъ, служатъ постелью.

И вотъ въ одной изъ этихъ хижинъ жилъ маленькій Монико съ матерью, двумя сестрами и тремя братьями. Его отецъ только что умеръ, оставивъ семьѣ въ наслѣдство это убогое жилище, да небольшой клочекъ земли. Пока отецъ Монико былъ живъ, огородъ давалъ кое-какой доходъ: въ немъ росли маниокъ, пататы, караибская капуста, сладкій горошекъ; водяная діоскорея переплеталась съ листьями банановъ, да и теперь тутъ было бы всего вдоволь, если бы бродяги, а ихъ не мало въ этой странѣ, не обирали плоды и овощи, даже не дозрѣлые. Правда, что старшая дочь вдовы Яниты еще помогала матери, на ея попеченіи были дѣвочки и два маленькихъ брата: Динго и Самбо. Они постоянно держались за юбку старшей сестры и ни на шагъ не отходили отъ нея, а несмотря на это она успѣвала плести на всю семью шляпы изъ листьевъ маврикіевой пальмы, росшей около ихъ хижины. Ея младшая сестра, Майрамъ, также была не безъ дѣла, она заботилась о черной хохлатой курицѣ, которая, по преданію негровъ, приноситъ счастье тому дому, гдѣ находится; кромѣ того должна была полоть огородъ, а то тыквы и огурцы грозили заглушить другія овощи.

Былъ и еще одинъ членъ семьи—новорожденный Самъ, тотъ не только что не помогалъ матери, но еще нуждался въ помощи другихъ. Только взаимная дружба и любовь была имъ отрадой. Монико, несмотря на то, что ему было только десять лѣтъ, поддерживалъ трудами семейство.

Монико былъ замѣчательный мальчикъ: цвѣтомъ лица онъ напоминалъ собой мать-мулатку, но былъ блѣденъ отъ недостатка здоровой пищи. На его худомъ личикѣ и въ большихъ черныхъ глазахъ выражалась грусть; только ротъ его нельзя было видѣть безъ смѣха: изъ верхней челюсти вид-

нѣлись два зуба. Скромный, кроткій Монико обладалъ тихимъ голосомъ и спокойными движеніями. Съ сосѣдями былъ услужливъ и съ необыкновенной точностью исполнялъ всякія порученія, за что и пользовался во всей деревнѣ общей любовью и даже уваженіемъ. Ко всѣмъ этимъ качествамъ онъ былъ крайне чистоплотенъ; на платьѣ его никогда не было пятенъ или прорѣхъ, между тѣмъ какъ его братья и сестры постоянно были оборваны и грязны, несмотря на то, что мать ихъ то и дѣло стирала и чинила.

Цѣлые дни Монико то бродилъ по лѣсамъ и собиралъ тростникъ, изъ котораго плетутъ корзинки для зелени и плодовъ, то ловилъ раковъ въ рѣкѣ и сбывалъ ихъ на рынкѣ, или помогалъ угольщикамъ въ копяхъ, за что получалъ мѣшочекъ углей.

Этотъ ребенокъ былъ истинное благословеніе Божіе для всей семьи. Мать уже предвидѣла, что не пройдетъ и семи лѣтъ, какъ онъ будетъ работать на сахарныхъ плантаціяхъ и обезпечить семью. А въ ожиданіи этого счастливаго времени онъ отправлялся каждую субботу и подъ большіе праздники въ городъ и приносилъ матери корзинку пироговъ и сластей купленныхъ имъ на свой заработокъ, а она перепродавала ихъ на другой день около своей хижины и кое-какъ жила на нихъ до слѣдующаго воскресенья, если ихъ не грабили воры, что не разъ случалось. Идетъ кто нибудь мимо столика съ лакомствами и толкнетъ его какъ бы ненарочно, когда все покатится на землю, принимается подбирать и половину себѣ въ карманы. Иногда въ грабежѣ принимаетъ участіе вся деревня, съ крикомъ піа, піа, піа, толпа бросается на столикъ продавщицы и нѣтъ спасенья! Мать Моники ни на что не жаловалась, она счастлива была сыномъ и вообще дѣтьми. Каждый вечеръ, глядя на черныя курчавыя головки своихъ спавшихъ младшихъ мальчиковъ, она просила Бога, чтобъ они походили на своего старшаго брата.

Однажды вечеромъ, Монико возвращался домой изъ лѣса еще засвѣтло, взваливши на свои худенькія плечи кулъ съ углемъ. Въ тотъ день шелъ сильный дождикъ и тропинки были до того затоплены, что едва можно было по нимъ пробираться.

Монико все шелъ себѣ да шелъ, какъ вдругъ что-то мягкое, гибкое скользнуло у него по ногѣ, въ ту же минуту онъ ощутилъ боль какъ бы отъ укола и нога онѣмѣла. Онъ сей-

часъ понялъ, что его ужалила ядовитая змѣя, лежавшая свернувшись на дорогѣ. Укушеніе змѣи не рѣдкость въ Мартиникѣ. Монико зналъ, что спасеніе жизни зависѣло отъ быстрой помощи, что надобно бѣжать? Но ему и въ голову не приходило бросить ношу. Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! мать и дѣти рассчитываютъ на уголь. Можно ли обмануть ожиданіе родныхъ? Лучше умереть, лишь бы дотащить уголь домой. Ночь наступила темная, онъ все шелъ и все по водѣ, что при укушеніи змѣи очень опасно, кромѣ того ему пришлось переходить въ бродѣ рѣчку и то и дѣло прыгать съ одного пригорка на другой. Отъ того ли что онъ не могъ различить дороги, отяжелѣла ли его ужаленная нога, вдругъ онъ оступился, упалъ по колѣно въ воду и промокъ насквозь. Черезъ часъ онъ былъ дома и упалъ безъ чувствъ у порога хижины, гдѣ давно ждала его встревоженная мать. Она громко вскрикнула, на рукахъ внесла его въ хижину. Она мгновенно поняла все и тотчасъ принялась, съ опасностью собственной жизни, высасывать ядъ; средство это иногда удается, но тутъ было уже поздно,—ядъ начиналъ оказывать свое дѣйствіе. Она разбудила дочерей своихъ и отправила одну за докторомъ бѣлымъ, другую за мѣстнымъ знахаремъ. Знахарь жилъ по близости и явился первый. Освидѣтельствовавши больного, онъ покачалъ головой, вынулъ изъ кармана какое то заранѣе приготовленное снадобье и далъ его принять мальчику съ помощію заклинаній и предписалъ потогонное. Пассанка—такъ звали знахаря—былъ негръ высокаго роста, лѣтъ около пятидесяти; выраженіе лица его было необыкновенно добродушно; держался онъ съ такимъ достоинствомъ, что ни на волосъ не походилъ на шарлатана. Его тихій, симпатичный голосъ, глубокій взглядъ большихъ кроткихъ глазъ сами по себѣ благотворно дѣйствовали на больныхъ.

Но несмотря на то, что Пассанка былъ суевѣренъ, какъ и всѣ негры, благодаря невѣжеству, самъ ученый собратъ его, почтенный докторъ Фелье, не могъ не уважать его; у него, говорилъ онъ, почти одинъ способъ леченія для людей и для скота, но благо удачно вылечиваетъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ, чего же лучше.—Впрочемъ, прибавлялъ докторъ, я долженъ ему отдать справедливость въ необыкновенномъ умѣнїи лечить отъ укушенія змѣи. Наука въ этомъ случаѣ преклоняется предъ волшебствомъ!

Несмотря на эти слова, Фелье отлично зналъ, что Пас-

санка не прибѣгалъ ни къ какому колдовству и что вся наука его состояла въ знаньи цѣлебныхъ травъ и въ умѣньи давать съ таинственными приѣмами, необходимыми, чтобы вліять на воображеніе чернокожихъ.

Бѣлый докторъ, за которымъ побѣжала дѣвочка, жилъ довольно далеко и пришелъ только спустя часъ, хотя и торопился, онъ нашелъ Монико въ опасности, опухоль увеличивалась. Пассанка скромно уступилъ мѣсто своему собрату и почтительно, но съ чувствомъ собственного достоинства отошелъ въ сторону. Фелье, осмотрѣвши ребенка, отвелъ въ сторону Пассанка, къ величайшему страху вдовы, которая съ замирающимъ сердцемъ слѣдила за двумя медиками, и сказалъ ему, что ребенку, по его мнѣнію, нѣтъ спасенья, улыбка не то сомнѣнія, не то надежды скользнула по толстымъ губамъ негра, онъ промолчалъ.— Впрочемъ, прибавилъ докторъ, попробую леченіе лимономъ. Но тутъ улыбка знахаря превратилась въ насмѣшку.— Лимонъ! это средство бесполезно, сказалъ негръ.

Когда добрый докторъ, посидѣвъ немного, ушелъ, оставивъ бѣдному семейству нѣсколько денегъ, Пассанка усѣлся у изголовья больного мальчика. Очевидно мать довѣряла ему больше, нежели французскому медику.

Больной находился между жизни и смерти. Половина тѣла была парализована, на ногѣ открылся антоновъ огонь и отнялся языкъ. Болѣзнь тянулась долго, наконецъ мальчикъ сталъ понемногу поправляться, Пассанка былъ радъ, онъ приписывалъ излеченіе свойству своихъ травъ, а мать—своимъ горячимъ молитвамъ. Докторъ Фелье первый порадовался успѣху леченія и поздравилъ Пассанка.

Добрый докторъ частенько заходилъ въ хижину, навѣщая мальчика, онъ всякій разъ приносилъ ему какое нибудь лакомство и сильно интересовался имъ, когда мать ему рассказала о самоотверженномъ поступкѣ сына, который и былъ виною его болѣзни; докторъ былъ тронутъ до слезъ и, наблюдая за маленькимъ героемъ, все больше и больше привязывался къ нему. Во все время своихъ страшныхъ страданій, у мужественнаго мальчика не вырвалось ни одной жалобы, ни одного стога; это былъ образецъ терпѣнія и кротости! Ребенка тревожило одно—горе матери и что ему пожалуй долго еще нельзя будетъ работать на семью. Всѣ лакомства, что приносилъ ему докторъ, онъ дѣлилъ между

сестрами и братьями и даже чужими дѣтьми, которыя постоянно окружали его. Несмотря на свою слабость, онъ старался занимать рассказами свое маленькое общество.

Въ одинъ прекрасный день, когда Монико такъ поправился, что могъ уже сидѣть, его вынесли на воздухъ подъ тѣнь кофейныхъ деревьевъ, которыя всегда растутъ около жилищъ негровъ; множество ребятишекъ толпилось около него въ ожиданіи разсказа. И онъ въ сотый разъ началъ одну изъ тѣхъ сказокъ, которыя составляютъ утѣху и старыхъ, и малыхъ.

Докторъ какъ разъ пришелъ въ это время, остановился никѣмъ не замѣченный и сталъ прислушиваться.

„Жиль-быль однажды человекъ, говорилъ Монико, а у него была собака; захотѣлъ онъ ее наградить за ея вѣрную службу и далъ ей вольную. (Вольной негры называютъ письменное свидѣтельство, которое освобождаетъ отъ рабства). Обрадовалась собака, только не знаетъ куда ей спрятать эту бумагу. Бойтся она ее затерять, если оставить у себя. Пошла собака къ своей сосѣдкѣ кошкѣ; тогда всѣ животныя жили въ дружбѣ и согласіи между собой и просить ее спрятать бумагу куда нибудь подальше. Кошка взяла ее, а въ ту пору случилось, что у ней лапки были въ салѣ. Пока она несла бумагу въ одну знакомую ей нору, то просалила ее насквозь. Въ этой конурѣ жила крыса, охотница до сала. Лакомка возьми, да и начни грызть несчастную бумагу. Не будь на ней сала, ни за что бы она не прикоснулась къ ней. А тутъ не выдержала!

Долго ли она грызла бумагу—неизвѣстно, только вдругъ понадобилась бумага собакѣ: „Гдѣ моя вольная?“ спрашиваетъ она кошку. Кошка бросилась въ нору искать ее, и нашла одинъ клочекъ, она къ крысѣ—крыса бѣжать что есть мочи, кошка въ погоню за ней, а за кошкой собака. Съ тѣхъ самыхъ поръ собака, кошка и крыса ненавидятъ другъ друга и постоянно преслѣдуютъ одна другую“.

Не успѣлъ Монико кончить свою сказку, какъ откуда ни возмись мимо кофейныхъ деревьевъ пробѣжала черная, худая кошка, а за ней съ лаемъ неслась большая, косматая собака.

Слушатели пришли въ неописанный восторгъ, видя на примѣрѣ то, что только сейчасъ было разсказано, и разразились такимъ неистовымъ хохотомъ, что казалось самые

камни могли бы расшевелиться. По всей деревнѣ слышался этотъ неудержимый смѣхъ. Одни негры умѣютъ такъ смѣяться! Даже докторъ заразился хохотомъ. Подойдя ближе, онъ сказалъ: „Человѣкъ тоже гонялся за вольной, и вотъ, благодаря Бога, вы все теперь свободны, а между тѣмъ среди васъ многіе не умѣютъ разумно пользоваться своей свободой по невѣжеству. Для этого необходимо просвѣщеніе. Монико, когда ты будешь на ногахъ, хочешь я возьмусь учить тебя?“

Мальчикъ широко раскрылъ глаза; онъ не понималъ, что говоритъ докторъ.

— Видишь ли, сказалъ г. Фелье, ты сегодня весель— значитъ скоро выздоровѣешь, а когда выздоровѣешь, что ты станешь дѣлать?

Монико обрадовался, что скоро будетъ совсѣмъ здоровымъ и сказалъ, что не знаетъ какъ и дожидаться времени, когда опять пойдетъ за тростникомъ или къ угольщикамъ помогать имъ въ работѣ.

— Да, все это хорошо, но оно вѣдь не ремесло, замѣтилъ докторъ.

Бѣдный Монико отлично понималъ, что онъ еще слишкомъ молодъ для работъ на сахарныхъ плантаціяхъ!

— Я думаю, сказалъ докторъ, что ты никогда не будешь способенъ на эту работу. На сахарныхъ плантаціяхъ требуются сильныя руки.

Грустно посмотрѣлъ мальчикъ на свои маленькія руки.

— Но ты настолько смышленъ, прибавилъ докторъ, что можешь найти какое нибудь другое занятіе. Если бы только кто нибудь взялся учить тебя?

Монико всегда желалъ выучиться чтенію и письму. Подумавъ немного, докторъ сказалъ:—Слушай, Монико, Пасанка вылечилъ тебя, ты ему обязанъ многимъ. Я съ своей стороны хочу сдѣлать для тебя тоже что нибудь; и вотъ что придумалъ. Хочешь ли жить у насъ; жена будетъ заботиться о тебѣ, а я буду учить тебя грамотѣ.

Радость блеснула въ большихъ глазахъ Монико, но тотчасъ же и потухла; онъ посмотрѣлъ на братьевъ и сестеръ, которые съ испугомъ ждали его отвѣта, потомъ на мать и дрожащимъ голосомъ сказалъ:—Нѣтъ, нѣтъ, Монико не хотѣлъ уйти, хочетъ остаться въ своей семьѣ. Мать крѣпко обняла его и онъ печально приласкался къ ней.

— Да, ты правъ, дружокъ, возразилъ докторъ ласково, глядя его по курчавой головкѣ, я знаю, ты необходимъ въ семьѣ, мы придумаемъ что нибудь для тебя, погоди.

А пока докторъ Фелье придумывалъ средство уладить дѣло, Пассанка по своему вывелъ ихъ всѣхъ изъ затрудненія.

Однажды Монико, уже совсѣмъ здоровый, явился къ доктору съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ и сообщилъ радостную новость. Пассанка, проведя нѣсколько недѣль при больномъ Монико, такъ привязался ко всей семьѣ,— что возвратившись къ себѣ, онъ затосковалъ въ одиночествѣ, затосковалъ, что ему некого таскать на спинѣ, какъ онъ таскалъ малютку Сама, что никто рученками не дергаетъ его волосъ, не визжитъ и не кричитъ отъ удовольствія! Словомъ, онъ просто затосковалъ безъ семьи. Средства къ жизни у него были; онъ скопилъ порядочно деньжонокъ, леча людей и скотину, а наслѣдниковъ у него не было. Не долго думая, сказалъ онъ самъ себѣ: дѣти Яниты—вотъ готовые наслѣдники и, отправившись къ ней, просилъ ее сдѣлаться его женою!

— Теперь и безъ тебя могутъ обойтись, сказалъ обрадованный докторъ старшему мальчику.

Тогда Монико объяснилъ ему по своему, къ чему онъ больше всего стремится.—Онъ сказалъ, что хочетъ учиться, для того чтобъ сдѣлаться богатымъ, обезпечить братьевъ и сестеръ, осыпать мать золотомъ и брилліантами, а Пассанку—чѣмъ бы отблагодарить его за его заботы и любовь, онъ еще не придумалъ.

— Такъ ты согласенъ остаться у насъ, вмѣшалась въ разговоръ присутствовавшая тутъ г-жа Фелье?

Вмѣсто отвѣта маленькій негръ сталъ такъ прыгать и кувыркаться, что любая обезьяна могла бы позавидовать его ловкости.

.

Въ этотъ годъ въ одномъ изъ первыхъ лицеевъ Парижа былъ принятъ негръ въ младшій классъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, съ необыкновенно умнымъ, выразительнымъ лицомъ. Онъ принятъ въ младшій классъ потому, что позже другихъ началъ учиться по-латыни.

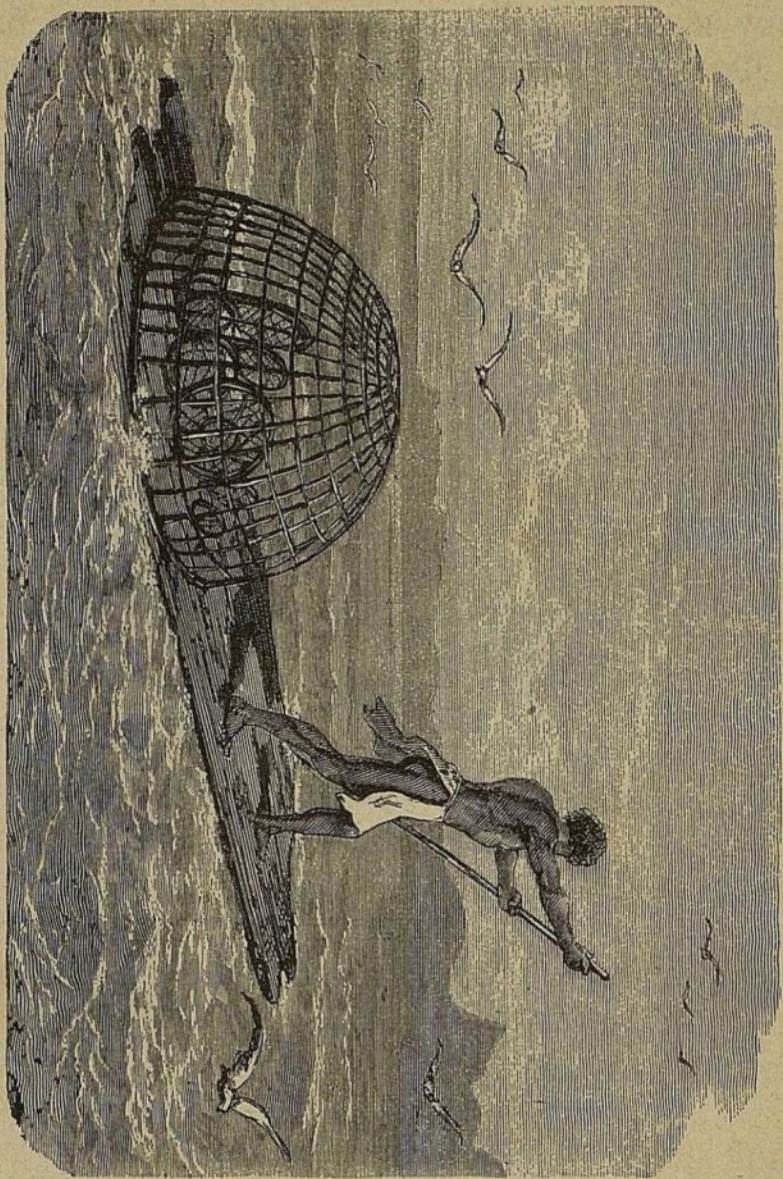
Изо всѣхъ предметовъ онъ идетъ отлично.

Говорятъ, что по окончаніи курса въ лицѣ, онъ думаетъ изучать медицину. Негръ этотъ—нашъ другъ Монико, но его трудно узнать безъ его двухъ огромныхъ зубовъ. Сдѣлавшись докторомъ, онъ безъ сомнѣнія вернется въ Мартинику и тамъ вполнѣ замѣнитъ своего благодѣтеля, доктора Фелье, доброе дѣло котораго увѣнчалось такимъ блестящимъ успѣхомъ.

А. А—ва.

ДИКАРЬ ОСТРОВОВЪ ТИХАГО ОКЕАНА.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено ценаурою. С.-Петербургъ, 12 іюня 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.